

● ● ●
А в душе полыхает свет
не с утра, а с прошедшей ночи,
настроение—лучше нет,
от восторга весь мир всклокочен!

Прибываю в аэропорт
без волнений и опозданий,
всюду техника—высший сорт,
чудо-сервис, уют, комфорт,
зал несбыточных ожиданий.

Пьяная баржа́

О бесшабашной той поре
шрам на губе напоминает.
Буксир-толкач по Ангаре
баржу с водярою толкает.

По вечерам под фальштрубой,
где так уютно и прохладно,
бутылки, списанные «в бой»,
вскрывает резвая команда.

Царил обманчивый покой,
когда не приглашали в гости,
когда закон полусухой
мозги высушивал до злости.

По перекатам—пилотаж:
«Вихрями» поднимаю пену,
берут баржу на бордаж
сибирские аборигены.

Пред ними мрачно предстаёт
старпом, он зол и безобразен:
—Здесь доблестный ангарский флот,
а не какой-нибудь магазин.
Вот так, шпана, надеюсь, ясно!
Но это он уже напрасно...

Наш залихватский экипаж
(такая горькая умора)
познал, что значит абордаж,
не из романов Фенимора.
.....

С тех пор лихих прошли века,
иного не хватило б срока
понять: жизнь—вечная река,
и нет в ней устья и истока.

Снег

Вдали белел саянский позвонок,
понтонный мост был инеем усеян.
Мой первый снег растаял в Енисее,
свой первый снег запомнить я не мог.

А раздирает память грохот льдин
на всём пути сквозь время и пространство.
...Какая тишь. Покой и постоянство—
и мягкий свет нетающих седин.

Друзьям

Даже не имея ни гроша,
из себя не корчите страдальцев;
если не нашли карандаша,
то пишите кончиками пальцев.

Истину вбирая на скаку,
часто невпопад и с опозданием,
выводите за строкой строку
в воздухе прерывистым дыханием.

Манускрипт, застывший над Земшаром,
не подвластен мировым пожарам.

Чёрная сопка

Густою волною таёжная хвоя
закутала бережно огненный след.
Вулкан отгремевший оплывшей свечою
стекает в притихший Саянский хребет.

Тревожным покоем просторы обдало,
ему здесь вовеки царить суждено.
Но всё-таки магма не зря клокотала,
а может, напрасно... Не всё ли равно?

Выступление

Мы в зоне строгого режима
читаем вольные стихи.
И клуб—как сжатая пружина
страданий, злобы и тоски.

Сомнений нет: гнетущим шрамом
на сердце ляжет этот край,
где крест над православным храмом
целует сонный вертухай.

Беспилотник

От платформы пробудившейся со свистом
разбегается экспресс без машиниста.

Пассажиры, устремлённые вперёд,
перепуганы—их оторопь берёт

и гнетёт неистребимая тоска,
словно стая потеряла жоака.

Вдаль несётся обезглавленный экспресс
сквозь научно-человеческий прогресс.

Он прибудет в расчудесный новый мир,
где не будет нужен даже пассажир,

где, безлюдные связуя города,
так и мечутся пустые поезда.

В них порядок, тишина и чистота—
человечества всегдашняя мечта...

Но пока ещё несовершенен мир,
и трясётся беспризорный пассажир.

Не терзай себя: идиллия близка,
всё закончится—и страхи, и тоска.

Старый скалолаз

Васе Гладкову

Бывает, рухнешь, злобный и усталый,
в глубокий сон.
Но вдруг Морфей тебе подарит скалы,
и ты спасён

от самобичеваний, словоблудий
и от хандры,
когда тебя безжалостно разбудит
призыв горы.

Что умный в горы силы не потратил
(в обход готов),
известно. Скалы сотворил Создатель
для мудрецов.

Караульная гора

Противясь катаклизмам и пожарам,
наш город охраняем Красным яром.

Укрытая надёжной звёздной кровлей,
вершина коронована часовней.

И вздрагивает стойко лик святого
от грохота снаряда холостого.

Большой взрыв

— Что было до Большого взрыва,
до детонации его?

Мудрец ответил чуть тоскливо:
— Одно сплошное Ничего.

Эффектно вкрученное слово—
как трюк с гадюкой в шапито.
Выходит, что всему основа—
Фундаментальное Ничто!

Миллиарды лет растёт и множится,
по сути, полное ничтожество!
И эту весть во все концы
разносят наши мудрецы...

Двуединство

Основались Лыко и Мочало
у реки, где вольница скучала,
туча в небесах луну качала,
катер отрывался от причала,
птичья стая в небесах кричала,
радио настойчиво вещало,
сердце воспалённое стучало,
грозно шило из мешка торчало...

...Истина суровая крепчала,
вырываясь искрой из кресала:
там фундаментальное начало,
где царит, достойно пьедестала,
двуединство Лыка и Мочала!